

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ
СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 140 (3796).
Суббота,
23
ноября
1957 г.

Цена 40 коп.

ЗА ИДЕЙНУЮ ЧИСТОТУ ЛИТЕРАТУРЫ И ИСКУССТВА!

В КОНЦЕРТНОМ зале Ереванской филармонии собрались деятели искусства и литературы Армении, чтобы обсудить выступление Н. С. Хрущева «За тесную связь литературы и искусства с жизнью народа». Докладчик секретарь правления Союза писателей Армении Э. Топчян отметил достижения, которыми творческие работники Армении встретили 40-летие Великого Октября. Он подчеркнул, что вступления тов. Хрущева восприняты художественной интеллигентией республики как важный партийный документ, определяющий главную линию развития нашей литературы и искусства. Э. Топчян критиковал книги некоторых писателей, которые в кривом зеркале отражают советскую действительность, дезориентируют читателя. В прениях выступили артисты А. Аветисян, В. Адкемян, писатели Ст. Зорян, Г. Сарян, О. Шарян и другие.

Министр культуры Армянской ССР А. Шагинян призывал творческих работников чаще бывать на фабриках и заводах, в деревнях, больше помогать сельским клубам, домам культуры, глубже изучать народную жизнь, полнее показывать достижения советской культуры.

— Почему по сей день сохранилось свое обаяние творения великих художников, писателей, композиторов прошлого? Потому, что они были тесно связаны с народом, выражали думы и чаяния народа, — сказал Ст. Зорян. — Правильное искусство не может быть оторвано от жизни, от народа.

На собрании выступил первый секретарь ЦК КП Армении С. Товмасян.

Участники собрания приняли решению, горячо одобряющую выступление Н. С. Хрущева по вопросам литературы и искусства.

ЕРЕВАН. (Наш корр.).

СОБРАНИЯ ТВОРЧЕСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

ДОЯРКА Гульсина Харисова, приехав в Казань, узнала, что в этот день здесь состоялось собрание творческой интеллигентии Татарии, посвященное выступлению Н. С. Хрущева «За тесную связь литературы и искусства с жизнью народа». И вот Гульсина Харисова — наtribune собрания. Она рассказывает об огромных преобразованиях в ее родном районе, о возросших переменах в жизни города и области за 40 лет Советской власти.

С докладами выступили редактор «Сибирского огня» А. Высоцкий, заслуженный деятель искусств РСФСР художник И. Титков, замечательный деятель искусств РСФСР композитор А. Новиков, заместитель начальника областного управления культуры Л. Григорьев.

Докладчики, также выступавшие в прениях — народная артиста РСФСР главный режиссер театра «Красный факел» В. Редлих, писатель А. Никульков, директор областного книжного издательства И. Ралько и другие — говорили о долге художника перед народом, о страстном, партийном отношении к жизни.

В докладах и выступлениях участников собрания ярко прозвучала сердечная глубокая благодарность творческих работников родной Коммунистической партии за ее заботу о дальнейшем росте и процветании советской культуры, стремление современной нам ленинской эпохи, ленинского стиля работы.

На собрании выступил секретарь обкома партии В. Фурков.

НОВОСИБИРСК. (Наш корр.).

В БЕСЕДЕ С НАШИМ КОРРЕСПОНДЕНТОМ...

ВЕЛИКОЕ СОРОКАЛЕТИЕ

«Литературная газета» обратилась в эти дни к ряду советских писателей с просьбой рассказать о наиболее памятных для них годах великого сорокалетия, о поездках, встречах и впечатлениях, о своей работе и творческих занятиях. На нашем корреспонденту рассказали...

Виталий ЗАКРУТКИН

ТАК ЖЕ, как каждый человек, я храни в воспоминаниях многие радостные и горестные даты, связанные с жизнью нашей страны, народа и с моей личной судьбой. Среди таких дат — весенний день 1945 года.

Это было, когда среди мрачного, полного тревог, дымов и пламени трагического хаоса берлинских улиц вдруг пробил последний час жестокой войны, и человек не только стал слышать человека, но и смог разобрать тот легкий шипящий звук, едва уловимый шорох, с каким касались горячего железа и горячих камней редкие капли тихого весеннего дождя.

Трудной была дорога нашего народа к той незабываемой весне, к новым победным веснам. О ней, об этой великой дороге в человеческому счастью, мне и хочется рассказать в своих новых книгах.

Не все дошли до победной весны, не все идут сегодня с нами к гордым, озаренным солнцем вершинам. И мы не можем, не имеем права забыть тех, кого уже нет, кто отдал свою жизнь за нас, за наших детей, за честь человечества. Может быть, поэтому мы по-особому дорожим и близок образ советского солдата в фильме «Без вести».

Первая книга романа «Современие мира» недавно напечатана. Над второй и третьей книгами с большой тревогой, с любовью и радостью работают я сейчас и буду работать в ближайшие годы, чтобы завершить то, что задумано, как свидетельство трудов и подвигов моего народа.

Уже давно я твердо и бесповоротно убедился в том, что писатель обязан жить и работать среди тех и вместе с теми, о ком он пишет. Никаких узко-кабинетных литературных упражнений никогда не было и не будет народными; никому не приносил и не принесут никакой пользы, оставаясь лишь вымученным разацом никчемного «чистописания». Обо всем этом я много думал и хорошо это понял.

Много лет назад я был задуман большой роман в трех книгах, посвященный жизни людей моего поколения и повествующий о событиях нашей советской эпохи. Среди героев романа едва ли не самое основное место должны были занять крестьяне — труженики земли.

После войны я поселился в станице и решил остатся тут навсегда. Вместе с героями своих книг я участвую в их каждодневном труде — заготовляю саженцы для будущих виноградников, которые огромным массивом заселяют в донских степях; вместе с ними, монмы дружинами-одностанинами, высаживаю молодые деревья, бываю на полевых станах, на рыбаках тонах, обсуждаю планы электрификации станиц и хуторов, планы развития новых селководческих земель — солдаты, строители, трактористы, монтеры, дюроки, рыбаки, садоводы, огородники в «Пловческой станице», в рассказах и очерках, о них писал и буду писать в романе «Современие мира», который считан главным и любимым своим произведением.

Первая книга романа «Современие мира» недавно напечатана. Над второй и третьей книгами с большой тревогой, с любовью и радостью работают я сейчас и буду работать в ближайшие годы, чтобы завершить то, что задумано, как свидетельство трудов и подвигов моего народа.

Станица Кочетовская, Ростовская область

В Союзе писателей СССР

В ЦЕЛЯХ дальнейшего подъема работы журнала «Дружины народов» секретариат правления Союза писателей СССР решил организовать широкий и представительный радиодраматический совет этого журнала. Председателем редакционного совета и главным радиодраматическим директором «Дружины народов» утвержден первый секретарь правления Союза писателей СССР Г. Сурков, его первый заместителем в редакционном совете — Г. М. Корабельников. Согласно личной просьбе, в связи с болезнью Г. М. Корабельникова, главного редактора журнала «Дружины народов».

С нового года объем журнала «Дружины народов» будет увеличен с 14 до 20 печатных листов, тираж — с 50 тысяч до 75 тысяч экземпляров.

В связи с созданием Оргкомитета Союза писателей РСФСР редакция журнала «Дружины народов» и ее органов, издаваемых до сих пор Союзом писателей СССР: журнала «Октябрь» и альманаха «Наш современник» преобразуются в органы Оргкомитета Союза писателей РСФСР Г. Марков и Ленинградского отделения Союза писателей: журнал «Москва» — в орган Оргкомитета и Московского отделения Союза писателей.

Эта организация будет проводена с нового года.

Секретариат утвердил главного редактора журнала «Москва» Е. Н. Поповину, освободив ее от этой должности. Н. С. Атарова.

Албанские ГОСТИ

ЧЕТЫРЕ дня гостили в Риге председатель Союза писателей Албании поэт, прозаик и переводчик произведений Маяковского на албанский язык Дмитрий Шутерич и писатель-сатирик Сиро Чомори, прибывшие в Советский Союз по приглашению Союза писателей СССР. Они побывали в музеях, театрах, посетили санатории и дома отдыха на Рижском взморье, рыболовецкий колхоз «Шарнакава», встретились с литераторами Риги.

Всероссийский семинар молодых прозаиков

В БОЛЬШОМ зале Ленинградского дома писателя имени В. Маяковского, где собирались на первое заседание участники и руководители семинара молодых прозаиков, стоял для предзанятия стул не на сцене, как обычно, а внизу, в партере.

— Так удобнее разговаривать. У нас на семинаре не должно быть никакой «кофинализации». Пусть складывается — и они обязательно сложатся — дружеские и принципиальные отношения между всеми, кто собрался сюда, — сказал секретарь правления Союза писателей СССР, заместитель председателя бюро Оргкомитета СП РСФСР Г. Марков.

Не учителя и ученики, а писатели разного возраста, разного опыта и разной степени мастерства собирались сегодня в Ленинграде.

— Всем нам, — отметил далее Г. Марков, — близки и дороги мысли, высказанные Н. С. Хрущевым в его выступлении «За тесную связь литературы и искусства с жизнью народа». Но мало из души приветствовать эти выступления Н. С. Хрущева, надо ответить на них делом, художественными произведениями.

Итогом нашего семинара должны быть книги, хорошие и разные. Такие книги безусловно будут: об этом свидетельствует целый ряд рукописей, представленных на семинаре.

Мастерство писателя, сюжет, композиция, язык — все это стоит в центре занятий. Серьезный разговор о выборе главного героя произведения начался в одной из групп в связи с обсуждением главы из романа «Герой рождается сам» И. Петрова (г. Калинин). В течение нескольких лет автор работает над своим произведением.

— Конечно, нам, журналистам, — говорит И. Петров, — очень трудно найти время для литературного дела. Но писать роман хочется, будоражит и волнует тема творческого труда. Ведь творческое начало любой профессии — это и есть то самое, в чем чувствуюсь небывалой новизну нашей советской действительности.

Роман И. Петрова повествует о жизни и труде садоводов. У ряда участников обсуждения, в частности у З. Замоинской, А. Лебеденко и С. Сартакова, вызвал сомнение выбор главного героя: раскрывается ли тема творчества народа над самым

рэз запущенную историю некоего «талантливого негодяя», как его определил сам автор? Не слишком узок фундамент, на котором собирается возводить автор здание своего романа? Отмечая определенные литературные достоинства рукописи, участники обсуждения рекомендовали своему товарищу подумать над этой важнейшей стороной произведения.

Оживленно прошло занятие в группе, где обсуждались повесть «Круговорот» и рассказы Ю. Белостоцкого (г. Казань). Автор, в пединституте прошлогод летчик, пишет о годах войны. В группе — ряд военных писателей. Вокруг произведения Ю. Белостоцкого разгорелся горячий спор. Всешедший в комнату на разгар обсуждения почтенный Ю. Белостоцкий разогрелся горячим спором. Вошел в комнату на разгар обсуждения почтенный Ю. Белостоцкий разогрелся горячим спором. Вокруг произведения Ю. Белостоцкого разгорелся горячий спор. Всешедший в комнату на разгар обсуждения почтенный Ю. Белостоцкий разогрелся горячим спором.

Со своим жизненным опытом идет в литературу П. Печникова, работающий в молодежной газете (г. Уфа). Писатели Б. Галин, Г. Горбунов, Р. Рождественский и другие участники обсуждения отметили присущее автору умение строить сюжет в рассказах.

В основе сюжета — известная здадность и вместе с тем неразработанность конфликтов, недостатки в языке и стиле рассказов.

— Все это, думается, свидетельствует о том, что автору нужно еще серьезно поработать над рукописью.

Со своим жизненным опытом идет в литературу П. Печникова, работающий в молодежной газете (г. Уфа). Писатели Б. Галин, Г. Горбунов, Р. Рождественский и другие участники обсуждения отметили присущее автору умение строить сюжет в рассказах.

В основе сюжета — известная здадность и вместе с тем неразработанность конфликтов, недостатки в языке и стиле рассказов.

Солдатский подарок

В ЕСЕЛО и уютно в этом двухэтажном доме, много света в просторных его комнатах, все сияет чистотой и свежестью.

Еще совсем недавно здесь стоял густой запах олифи, как в москательном магазине. Строители очень торопились, чтобы поскорее могли поселиться здесь тридцать самых юных жителей города Тушино, Московской области. Кеменщики, плотники, малярьи, штукатуры, все, кто возвел это здание для детей, — солдаты одной из воинских частей Московского гарнизона. Они спешили преподнести этот подарок матерям-рабочницам.

— И не только матери, — говорит Николай Борисович Погорельцев. Станя одно колено, он надевает своему маленьенькому сыну Володе ботинок. — Это подарок всем нам.

Николай Борисович — инвалид

школьные дороги и мосты от Воронежа до Праги.

Инженер-капитан и его подчиненные с радостью отклинулись на просьбу работниц Тушино.

К фасаду не вчера прикреплена вывеска: «Ясли № 11 Тушинского городского детского сада», но добрые и услужливые строители, которым

командует инженер-капитан Александр Петрович Белоусов, позывают в яслих, в которых гости.

До войны Белоусов жил в Егорьевске. Он выстроил в этом городе два детских сада и ясли.

На днях заведующая детскими

яслими Т. П. Фомина позвонила в воинскую часть.

Фото А. Лялина

«Бай Ганю» и вообще о всех подлинно великих сагах и других писателях.

Страстная и ост

роя критика, которой подвергалась вся наша культура, не

всё и всякие слабости, недостатки, ошибки

наших собственных друзей и соратников, всегда была связана с его постоянным устремлением в светлое коммунистическое завтра, в всемирно-историческую победу марксистско-ленинской

партии, в новую общ

сторону, впереди которой стояла

всемирная симфония

Бетховена или Патетическую симфонию Чайковского.

Оркестр — как целое и как совокупность его участников, оркестрантов — имеет ясную цель: симфония должна быть исполнена верно и художественно мастерски. И когда это достигается, исполнители испытывают глубокое удовлетворение и радость. Каждый отдельный оркестрант испытывает удовлетворение и радость, потому что сим

СЛАВА И ЕЕ НАСЛЕДНИКИ

К истории нужно относиться серьезно... ведь это она внушила юношам пролетариату необходи́мость первенства ее над всеми другими нациями и заняла место коренной реорганизации мира...

М. ГОРЬКИЙ.

ДОРОГА к Спасск-Дальнему пролегла по местам, где что ни деревня, то как бы стражница из летописи многолетней, упорной и трухой гражданской войны в борьбе с иностранными интервентами на Дальнем Востоке. Еще только осталось поезды Раздольное, одновременно из памятных мест, где когда-то шли кровопролитные, ожесточенные бои, уже вспоминаются: там, справа от щоссе, в Кондратенково — могила юного партизанского героя-комсомольца Виталия Бонибура; и уже видны огни Воронцовки, бывшего Никольска-Уссурийского, с его немеркнущей революционной славой. И, наконец, вот он, Спасск — город, вошедший в песни и в память каждого советского человека.

Это здесь, в Спасске, когда уже была взята Волочаевка и освобожден Хабаровск, когда части Народно-революционной армии брали штурмом один населенный пункт за другим, пробиваясь к берегам океана, белогвардейцы царского генерала Дитерихса вознамерились пристановить победное шествие армии-освободительницы. Да только напрасно: 9 октября 1922 года город был взят, и эта победа предрешила окончательный крах белогвардейских орд и их иностранных сообщников, пять лет хозяйничавших на Дальнем Востоке.

Спасск сегодня — это большая, наполненная веселым рабочим гулом строительная площадка. Расстелили улицы новых домов в поселке цементно-шиферного завода, раздвигаются корпуса центральных мастерских, обслуживающих всю лесную промышленность Дальнего Востока, вырастают десятки, сотни жилых домов.

Бывший партизан- дальневосточник, а ныне хозяин всех планов, цифр и сводок в районном масштабе, председатель рабочего Александра Филипповича Отрощенко, показывает одну строку за другой, поясняет коротко и скучно:

— Тут было глобое болото... А тут — тайга, мы за грибами хаживали...

Вообще-то говоря, когда в наши дни удалились подобным экскурсом в прошлое? Но, должно быть, потому, что рядом, по соседству, особенно отчетливо видный на фоне неба, возвышался монумент, воздвигнутый в память героя «штурмовых ночей Спасска», рассказал его воспринимали как-то по-особенному, емко, наполняя величавым смыслом.

...А потом мы добрых полдня дымили папиросами в тесном кабинете Александра Филипповича; здесь вдруг как-то само собой стало тепло, потому что сидя, как на огонек, все подходили и подходили неизвестно когда и кем оповещенные старики-партизаны. Что это за чудесный был разговор! Отрощенко начал вспоминать, как он батрачил здесь, в Спасске, перед первой мировой войной; пенистоне-ту Тихону Ивановичу Шулякову пельма было не вспомнить о самом дорогом в жизни — о трех своих встречах с Владимиром Ильичем Лениным, о фронтовых дорогах, о дружках однополчанах, а тут уж кто удержится, чтоб не окунуться в этот стремительный поток гордого сердца воспоминаний...

А мы слушали — и все думали: да ведь это же живая, яркая, волнующая история всей нашей деревни...

Вместившаяся в

Г. ХАЛИЛЕЦКИЙ

ках детского дома по- заботиться, поехать в колхоз — помочь наладить культурную работу на селе...

И ВСЕ-ТАКИ, как ни значительны эти формы пропаганды революционных традиций, ими, думается, ограничиться нельзя. Воспитание на традициях — дело куда более широкое. И трудно было согласиться с Тихоном Ивановичем Шуляковым, когда он с грустью говорил:

— Все это хорошо, мы сейчас выступаем, нас слушают — и как слушают! Но ведь нас, стариков-ветеранов, в Спасске и во всем мире поголовно не наберется, и ряды наши все редеют... А что будет дальше? Вот мы на секции пришли такою решение: пока живы, работу среди молодежи вести до последнего. Одни из нас остались, все равно помни: ты молодежи нужен, у тебя огромный опыт за плечами...

Прекрасные это слова, прекрасное, мужественное решение! И все же это — не ответ на тревожные сомнения Шулякова. Ну, а в самом деле, если заглянуть лет на двадцать вперед? И вот тут-то снова и снова приходит на память горьковские слова о нашей общей ответственности перед будущими поколениями за сбереженную и дополненную до них историю.

В ПРЕДПРАЗДНИЧНЫЕ дни мне довелось побывать в нескольких районах Дальнего Востока: в знаменитой Волочаевке и в Хабаровске, в местах, связанных с партизанской борьбой в Приморье. И как велико восхищение всем, что уже сделано для пропаганды революционных традиций, все это пока лишь самий первый притом не самый трудный шаг. Я не нашел ни одного района, где работа по сбору и изучению местного историко-революционного материала велась бы серьезно, вдумчиво, постоянно.

А ведь если смотреть на это дело шире, то воспитание на традициях, на селе отцов включает в себя далеко не только события революции и гражданской войны. Давно ли, кажется, — всего только в апреле этого года, — была создана в Приморье при краевом Совете секция участников революционного движения, а она уже организовала около полутора тысяч встреч ветеранов революции с традициями края, публичных лекций, тематических вечеров и т. д. Не менее значительны первые итоги работы такой секции и в Хабаровском крае. Сейчас, наверное, не найдется ни одной школы, клуба, предприятия, где не проявлялось бы слово старых большевиков, партизан, тех, кто утверждал победу революции.

Столп оглянувшись вокруг, и самые камни родных мест заговорят понятными, страстными языками. И окажется, что нет в своем крае ни одного даже самого дальнего угла, который не поведал бы о грозовом прошлом. Комсомольцы Амурского района Приморья устроили поход по старым партизанским базам, и как это оказалось интересно! Молодежь Амурской области проложила свои туристические тропы летом нынешнего года по местам боев гражданской войны, и сюда же пришли северные девушки из сучасных горняков, выдергали два издания, а в Кингтогре лежат неизуточными заявки еще на 60—70 тысяч экземпляров этой книги. Достать лет назад вышло первое издание романа Д. Нагишикина «Сердце Бонибура», а до сих пор в Владивостокской детской библиотеке имени Пушкина ведется частно соблюдаемая очередь за ним. И, кажется, не было еще ни одной встречи с молодыми читателями, где дальневосточные литераторы не услышали бы: — Когда же будут новые книги, такие, как «Сердце Бонибура» и «Черный камень»?

А в самом деле, когда..? Во всяком случае, перспективные планы дальневосточных издательств отвечают на этот вопрос не дают.

Не могут похвастаться усиленным вниманием к историко-революционной теме, решаемой на местном историческом материале, и дальневосточных театры. В репертуаре Хабаровского драматического театра пьеса Н. Рогала «Юнь-Кораль» держалась очень недолго. Приморский театр имени Горького несколько лет назад поставил пьесу Е. Бондаревой «Сергей Лазо», и хотя была она несовершенна, почти все спектакли шли с аншлагом. Однако у каждой пьесы, да еще в условиях периферийного театра, лишь на конец года настолько конкреметные, чтобы быть пропагандой, и даже в романтику, в познание славных традиций отцов, чтобы начавшиеся, он уже не прекращалась — этот большой и необычайно нужный шаг.

А старики между тем без паники, осторожно направляют проснувшуюся энергию своих юных друзей на совершение конкретные, хотя, может быть, и прозаические, на первый взгляд, дела: вот надо бы улицы оселенить, город-то каким знаменитым, а без единого деревца, а потом об этом, развели руками.

Было когда-то на Дальнем Востоке прогремевшее по всей стране движение девушек-хатагуровок, были десятки прославленных героинь Хасана, где сегодня материала об этих высоких проявлениях народного героизма и самоотверженности?.. В Приморском крае комсомол, когда там заговорил весь Дальний Восток.

Спасские старики-ветераны были одними из первых, кто отозвался на этот пробудившийся интерес молодежи к революционной истории края. Каждый из них провел десятки встреч с молодежью и приобрел сотни молодых друзей, которых со временем, устроили на строительство деревни.

А старики между тем без паники, осторожно направляют проснувшуюся энергию своих юных друзей на совершение конкретные, хотя, может быть, и прозаические, на первый взгляд, дела: вот надо бы улицы оселенить, город-то каким знаменитым, а без единого деревца, а потом об этом, развели руками.

Было когда-то на Дальнем Востоке прогремевшее по всей стране движение девушек-хатагуровок, были десятки прославленных героинь Хасана, где сегодня материала об этих высоких проявлениях народного героизма и самоотверженности?.. В Приморском крае комсомол, когда там заговорил весь Дальний Восток.

Спасские старики-ветераны были одними из первых, кто отозвался на этот пробудившийся интерес молодежи к революционной истории края. Каждый из них провел десятки встреч с молодежью и приобрел сотни молодых друзей, которых со временем, устроили на строительство деревни.

А старики между тем без паники, осторожно направляют проснувшуюся энергию своих юных друзей на совершение конкретные, хотя, может быть, и прозаические, на первый взгляд, дела: вот надо бы улицы оселенить, город-то каким знаменитым, а без единого деревца, а потом об этом, развели руками.

Было когда-то на Дальнем Востоке прогремевшее по всей стране движение девушек-хатагуровок, были десятки прославленных героинь Хасана, где сегодня материала об этих высоких проявлениях народного героизма и самоотверженности?.. В Приморском крае комсомол, когда там заговорил весь Дальний Восток.

Спасские старики-ветераны были одними из первых, кто отозвался на этот пробудившийся интерес молодежи к революционной истории края. Каждый из них провел десятки встреч с молодежью и приобрел сотни молодых друзей, которых со временем, устроили на строительство деревни.

А старики между тем без паники, осторожно направляют проснувшуюся энергию своих юных друзей на совершение конкретные, хотя, может быть, и прозаические, на первый взгляд, дела: вот надо бы улицы оселенить, город-то каким знаменитым, а без единого деревца, а потом об этом, развели руками.

Было когда-то на Дальнем Востоке прогремевшее по всей стране движение девушек-хатагуровок, были десятки прославленных героинь Хасана, где сегодня материала об этих высоких проявлениях народного героизма и самоотверженности?.. В Приморском крае комсомол, когда там заговорил весь Дальний Восток.

Спасские старики-ветераны были одними из первых, кто отозвался на этот пробудившийся интерес молодежи к революционной истории края. Каждый из них провел десятки встреч с молодежью и приобрел сотни молодых друзей, которых со временем, устроили на строительство деревни.

А старики между тем без паники, осторожно направляют проснувшуюся энергию своих юных друзей на совершение конкретные, хотя, может быть, и прозаические, на первый взгляд, дела: вот надо бы улицы оселенить, город-то каким знаменитым, а без единого деревца, а потом об этом, развели руками.

Было когда-то на Дальнем Востоке прогремевшее по всей стране движение девушек-хатагуровок, были десятки прославленных героинь Хасана, где сегодня материала об этих высоких проявлениях народного героизма и самоотверженности?.. В Приморском крае комсомол, когда там заговорил весь Дальний Восток.

Спасские старики-ветераны были одними из первых, кто отозвался на этот пробудившийся интерес молодежи к революционной истории края. Каждый из них провел десятки встреч с молодежью и приобрел сотни молодых друзей, которых со временем, устроили на строительство деревни.

А старики между тем без паники, осторожно направляют проснувшуюся энергию своих юных друзей на совершение конкретные, хотя, может быть, и прозаические, на первый взгляд, дела: вот надо бы улицы оселенить, город-то каким знаменитым, а без единого деревца, а потом об этом, развели руками.

Было когда-то на Дальнем Востоке прогремевшее по всей стране движение девушек-хатагуровок, были десятки прославленных героинь Хасана, где сегодня материала об этих высоких проявлениях народного героизма и самоотверженности?.. В Приморском крае комсомол, когда там заговорил весь Дальний Восток.

Спасские старики-ветераны были одними из первых, кто отозвался на этот пробудившийся интерес молодежи к революционной истории края. Каждый из них провел десятки встреч с молодежью и приобрел сотни молодых друзей, которых со временем, устроили на строительство деревни.

А старики между тем без паники, осторожно направляют проснувшуюся энергию своих юных друзей на совершение конкретные, хотя, может быть, и прозаические, на первый взгляд, дела: вот надо бы улицы оселенить, город-то каким знаменитым, а без единого деревца, а потом об этом, развели руками.

Было когда-то на Дальнем Востоке прогремевшее по всей стране движение девушек-хатагуровок, были десятки прославленных героинь Хасана, где сегодня материала об этих высоких проявлениях народного героизма и самоотверженности?.. В Приморском крае комсомол, когда там заговорил весь Дальний Восток.

Спасские старики-ветераны были одними из первых, кто отозвался на этот пробудившийся интерес молодежи к революционной истории края. Каждый из них провел десятки встреч с молодежью и приобрел сотни молодых друзей, которых со временем, устроили на строительство деревни.

А старики между тем без паники, осторожно направляют проснувшуюся энергию своих юных друзей на совершение конкретные, хотя, может быть, и прозаические, на первый взгляд, дела: вот надо бы улицы оселенить, город-то каким знаменитым, а без единого деревца, а потом об этом, развели руками.

Было когда-то на Дальнем Востоке прогремевшее по всей стране движение девушек-хатагуровок, были десятки прославленных героинь Хасана, где сегодня материала об этих высоких проявлениях народного героизма и самоотверженности?.. В Приморском крае комсомол, когда там заговорил весь Дальний Восток.

Спасские старики-ветераны были одними из первых, кто отозвался на этот пробудившийся интерес молодежи к революционной истории края. Каждый из них провел десятки встреч с молодежью и приобрел сотни молодых друзей, которых со временем, устроили на строительство деревни.

А старики между тем без паники, осторожно направляют проснувшуюся энергию своих юных друзей на совершение конкретные, хотя, может быть, и прозаические, на первый взгляд, дела: вот надо бы улицы оселенить, город-то каким знаменитым, а без единого деревца, а потом об этом, развели руками.

Было когда-то на Дальнем Востоке прогремевшее по всей стране движение девушек-хатагуровок, были десятки прославленных героинь Хасана, где сегодня материала об этих высоких проявлениях народного героизма и самоотверженности?.. В Приморском крае комсомол, когда там заговорил весь Дальний Восток.

Спасские старики-ветераны были одними из первых, кто отозвался на этот пробудившийся интерес молодежи к революционной истории края. Каждый из них провел десятки встреч с молодежью и приобрел сотни молодых друзей, которых со временем, устроили на строительство деревни.

А старики между тем без паники, осторожно направляют проснувшуюся энергию своих юных друзей на совершение конкретные, хотя, может быть, и прозаические, на первый взгляд, дела: вот надо бы улицы оселенить, город-то каким знаменитым, а без единого деревца, а потом об этом, развели руками.

Было когда-то на Дальнем Востоке прогремевшее по всей стране движение девушек-хатагуровок, были десятки прославленных героинь Хасана, где сегодня материала об этих высоких проявлениях народного героизма и самоотверженности?.. В Приморском крае комсомол, когда там заговорил весь Дальний Восток.

Спасские старики-ветераны были одними из первых, кто отозвался на этот пробудившийся интерес молодежи к революционной истории края. Каждый из них провел десятки встреч с молодежью и приобрел сотни молодых друзей, которых со временем, устроили на строительство деревни.

А старики между тем без паники, осторожно направляют проснувшуюся энергию своих юных друзей на совершение конкретные, хотя, может быть, и прозаические, на первый взгляд, дела: вот надо бы улицы оселенить, город-то каким знаменитым, а без единого деревца, а потом об этом, развели руками.

Было когда-то на Дальнем Востоке прогремевшее по всей стране движение девушек-хатагуровок, были десятки прославленных героинь Хасана, где сегодня материала об этих высоких проявлениях народного героизма и самоотверженности?.. В Приморском крае комсомол, когда там заговорил весь Дальний Восток.

Спасские старики-ветераны были одними из первых, кто отозвался на этот пробудившийся интерес молодежи к революционной истории края. Каждый из них провел десятки встреч с молодежью и приобрел сотни молодых друзей, которых со временем, устроили на строительство деревни.

А старики между тем без паники, осторожно направляют проснувшуюся энергию своих юных друзей на совершение конкретные, хотя, может быть, и прозаические, на первый взгляд, дела: вот надо бы улицы оселенить, город-то каким знаменитым, а без единого деревца, а потом об этом, развели руками.

Было когда-то на Дальнем Востоке прогремевшее по всей стране движение девушек-хатагуровок, были десятки прославленных героинь Хасана, где сегодня материала об этих высоких проявлениях народного героизма и самоотверженности?.. В Приморском крае комсомол, когда там заговорил весь Дальний Восток.

Спасские старики-ветераны были одними из первых, кто отозвался на этот пробудившийся интерес молодежи к революционной истории края. Каждый из них провел десятки встреч с молодежью и приобрел сотни молодых друзей, которых со временем, устроили на строительство дерев

Корней ЧЕХОВ

Встречи с А. Довженко

ЛЮДИ наделены разным чувством времени. Одни ощущают его как вечность, другие, с необыкновенной силой чувствуя всю полноту бытия, в то же время остро улавливают счет уходящих мгновений. Мне в жизни пришлось встретиться с двумя людьми, которые с неизрелимой силой, всем своим существом были устремлены в «сияющее завтра», как выразился Маяковский. Да, одним был Маяковский. Другим был Довженко. Все стороны его характера, все его искусство, весь он сам — все было написано этой горьковской жаждой прекрасного человека на прекрасной земле. Весь облик Довженко сливался у меня с именем «человек-будущего».

Не подумайте, что «человек будущее» — это значит унесшийся в эмпиреи, отрешенный от настоящего. Мужественный художник, Довженко вышел мыслить и творить, по слову поэта, «в мир, открытый настежь бешенству ветров». Сын украинского селянина, пахавшего землю на волах, Довженко как новатор поднялся на вершину мирового искусства по всем ступеням именно нашей эпохи, вместе со всем героическим, трагическим, честолюбивым. Он вспоминал о себе, как о «человеке будущего», заставляя вспомнить другого фантастического реалиста нашего времени — Циолковского.

Он был очень красив на трибунах, Александра Довженко, со своим улыбкой, чуть торопливой речью, с мягким украинским говорком. Он вообще был очень красивой, но мужественной и серьезной красотой, которой природа наделяет своих избранных. Серебро седин с головами словно еще возвышалось к красоте ореолом перекинутого.

В ПОСЛЕДНИЕ годы мы виделись с Довженко ежедневно, то и таще. Каждый воскресенье он приезжал к себе на дачу в Переделкино. Чистый зал из смолистых бревен, большая комната, уставленная цветами, была местом наших постоянных бесед. Мы медленно гуляли с ним по его саду. Я втайне любовалась его высоким, скульптурным лбом, прямой фигуры, красиво посаженной головой. А Довженко говорил. Он замечательно умел рассказывать. В нем склонялись позы, страсть, дар преображения косной природы в живую. К нему можно отнести его собственные слова: «Для того, чтобы потрясать, надо быть потрясенным. Для того, чтобы радовать, просветлить душевный мир зрителей и читателей, надо нести просветленность в своем сердце и правду жизни поднимать до уровня сердца, а сердце нести высоко».

Довженко всегда настаивал на том, чтобы в художнике искать главное, что помогло одержать ему победу, а не судить его по его неудачам. Как гласит китайская пословица: «Боец и с недостатками боец, а муха без недостатков — всего лишь безупречная муха». Довженко говорил об Эйзенштейне, что он, как человек, всегда был больше своих картин. К самому Довженко относятся эти слова: как человек, он был больше своих картин-открытых, хотя некоторые из них стали признанными классическими шедеврами искусства нового человечества.

Как человек, он был больше хотя бы и потому, что в нем родилось такое количество замыслов и страстей, такая громада идей, которых хватило бы на нескольких поэтов и режиссеров. Довженко был громаден, как человек, не только талантом, но и величием сердца своего. Меня всегда поражало, что, сталкиваясь в жизни, в своей повседневности, как кинопостановщики своих фильмов, с первоначальными идеями, которые готовят себя к такому космическому полету, может быть, на Луну. Они часами проводят время в барокамере. Революция подняла наше мышление над жизнью отдельных государств. И мы теперь уже представляем и ощущаем движение десятков миллионов, их дыхание. Помните, Ленин говорил, что политика начинается там, где участвуют миллионы. Но происходит революция в науке и технике. Мы выходим на новый простор.

Мы стояли на опушке редкого берескового леска. Поля дышали необыкновенным осенним ароматом. Довженко так любил эту милую землю. Он показал ее пленительное цветение в своем великом фильме «Земля» — о первых годах колективизации.

Мне вспомнилась эта прогулка, этот тихий вечер, проведенный с Довженко, когда недавно из эфира донеслось зовущее «бип-бип». С невероятной, головокружительной быстрой проносились над головой советские спутники, которые вознеслись в космос, как бы отделившись от самого революционного творчества нашего народа и также от его дедов, от его замыслов. Те, кто был обращен лицом к будущему, ждали этого давно.

Вспоминается, как Александр Довженко выступил на Втором съезде писателей.

«Извините, — говорил Довженко, — что начну разговор с самой высокой ноты.

Как известно из высказываний крупнейших учёных человечества, в ближайшие сорок лет, то есть до двухтысячного года, человечество обследует всю твердь солнечной системы...

Почему человечество это сделает? Потому, что пришло время это сделать...

Можно утверждать, что это нужно для развития человечества, что это новая, величайшая его сверхзадача. Но не потому, что человечество начало вырождаться через тысячу лет, чего, конечно, не произойдет, а потому, что пришло время это сделать. И при жизни любой половины нас, а может быть, и 90 процентов, эта задача будет решена... Какие простиры раскрываются для творчества перед современным писателем кино! Сколько великих открытий ждет его в этой изумительной деятельности!

И мне кажется, что фильм «Мичурин» в подтексте является творческим автопортретом самого Довженко, глубоким иносказанием о его собственной жизни.

Но и в трудностях своего художнического бытия, порой осыпаемый ложными обвинениями, раздражаемый канцелярским подходом к себе, он никогда не поддался соблазну вступить в личную борьбу. Его широкий народный характер лучился мягкостью и добротой, подобно тому, как курился мягкий туманом широкая украинская степь на заре.

Как часто, слушая беседы, очищающие собеседника своей моральной чистотой и возвышавшие его своим умом, я думал о том, что человеческая тайна таланта Довженко заключалась в глубокой и всесторонней его народности.

Как известно, содержание народности — исторически развивающаяся величина. Народность социалистической эпохи обогащена опытом классовой борьбы, строительства коммунизма, национального обновления, особенно новейшей техники и знаний. Довженко в высшей степени был присущ это восприятие родного народа как революционного творца и дерзкого мыслителя. «Рефей за океаном», — звал Маяковский. «Шагай к звездам», — продолжал Довженко. И недаром Маяковский с таким пристальным интересом всегда следил за искусством Довженко. Я помню, в свое время, накануне моей поездки в Париж, состоялся общественный просмотр фильма «Земля».

— Вы не можете уехать, не просмотрев этой картины, — говорил мне Маяковский. — Это произведение, за которое будем драться мы все. Довженко — мастер, у которого можно учиться.

Может быть, самое удивительное свойство таланта Довженко, глубокая органичность его творчества заключается в том, что в нем с равной силой выражены эстетическая прелест народной жизни прошлого и красота революционных исканий нового. Присмотритесь ближе к тому сложному и интересному, которое было присущее это восприятие родного народа как революционного творца и дерзкого мыслителя.

Вы не можете уехать, не просмотрев этой картины, — говорил мне Маяковский. — Это произведение, за которое будем драться мы все. Довженко — мастер, у которого можно учиться.

Довженко всегда настаивал на том, чтобы в художнике искать главное, что помогло одержать ему победу, а не судить его по его неудачам. Как гласит китайская пословица: «Боец и с недостатками боец, а муха без недостатков — всего лишь безупречная муха». Довженко говорил об Эйзенштейне, что он, как человек, всегда был больше своих картин. К самому Довженко относятся эти слова: как человек, он был больше своих картин-открытых, хотя некоторые из них стали признанными классическими шедеврами искусства нового человечества.

Как человек, он был больше хотя бы и потому, что в нем родилось такое количество замыслов и страстей, такая громада идей, которых хватило бы на нескольких поэтов и режиссеров. Довженко был громаден, как человек, не только талантом, но и величием сердца своего. Меня всегда поражало, что, сталкиваясь в жизни, в своей повседневности, как кинопостановщики своих фильмов, с первоначальными идеями, которые готовят себя к такому космическому полету, может быть, на Луну. Они часами проводят время в барокамере. Революция подняла наше мышление над жизнью отдельных государств. И мы теперь уже представляем и ощущаем движение десятков миллионов, их дыхание. Помните, Ленин говорил, что политика начинается там, где участвуют миллионы. Но происходит революция в науке и технике. Мы выходим на новый простор.

Мы стояли на опушке редкого берескового леса. Поля дышали необыкновенным осенним ароматом. Довженко так любил эту милую землю. Он показал ее пленительное цветение в своем великом фильме «Земля» — о первых годах колективизации.

Мне вспомнилась эта прогулка, этот тихий вечер, проведенный с Довженко, когда недавно из эфира донеслось зовущее «бип-бип». С невероятной, головокружительной быстрой проносились над головой советские спутники, которые вознеслись в космос, как бы отделившись от самого революционного творчества нашего народа и также от его дедов, от его замыслов. Те, кто был обращен лицом к будущему, ждали этого давно.

Вспоминается, как Александр Довженко выступил на Втором съезде писателей.

«Извините, — говорил Довженко, — что начну разговор с самой высокой ноты.

Как известно из высказываний крупнейших учёных человечества, в ближайшие сорок лет, то есть до двухтысячного года, человечество обследует всю твердь солнечной системы...

Толстовские чтения

В музее Л. Н. Толстого в Москве проведены традиционные толстовские чтения, посвященные в этом году 40-летию Великой Октябрьской социалистической революции. Во вступительном слове Н. К. Гудина в докладе профессора Н. Н. Гусева и старшего научного сотрудника музея Ю. Б. Зайцевиной подчеркнуто, что наука изучения творчества Толстого и истории труда музея Толстого за годы Советской власти.

«Извините, — говорил Довженко, — что начну разговор с самой высокой ноты.

Как известно из высказываний крупнейших учёных человечества, в ближайшие сорок лет, то есть до двухтысячного года, человечество обследует всю твердь солнечной системы...

Материалы для своей будущей картины о Мичурине, то многие даже из бывших учеников великого садовода начали ему приводить множество фактов о том, каким несносным характером обладал его будущий герой и какой воображен был заложденный замок. Вспомнилось тургеневское «утро солнца».

— Я все это отбросил, — сказал Довженко. — Я хотел написать поэму о творчестве, в природу которого входит конфликт, столкновение с препятствиями.

И мне кажется, что фильм «Мичурин» в подтексте является творческим автопортретом самого Довженко, глубоким иносказанием о его собственной жизни.

Но и в трудностях своего художнического бытия, порой осыпаемый ложными обвинениями, раздражаемый канцелярским подходом к себе, он никогда не поддался соблазну вступить в личную борьбу.

— Оставайтесь, Сашко, — сказал я, — оставайтесь. Поберегите себя. Вечером я приду к вам, и мы продолжим наш разговор о сущности жизни.

Довженко засмеялся:

— Сущность ее непостижима, и поэтому я должен сейчас уезжать.

Он уехал. Но крачечный трюм, притягивавший где-то в артиллерии, вспомнился с аудитории, заставляя вспоминать о заложенном его сердце.

А время катится вперед. Скоро пришло и то время, о котором говорил Довженко. Мы вывели на орбиту стайку звездоподобных спутников, молниеносно мучающихся вокруг Земли, напоминая о том, что новое человечество простирает свою руку в космос.

Я думаю, что той силе, которая подняла на крылья Мичурину, было нечто, что вдохнуло в него новую жизнь.

Он умер. Но и сейчас он живет в памяти людей, которые любят и ценят его.

Спасибо тебе, Александр Довженко!

Чтобы я встретила 40-летие Великого Октября! Отвечая на этот вопрос, назову первую книгу трилогии — роман «Звезда на встречу». Говорю о нем не только потому, что он тематически связан с датой, — книга является как бы итогом длительной работы мысли, кипения чувств.

В настоящее время работаю над второй книгой трилогии, озаглавленной «Дело чести». В ней говорится о первых пятилетках на Урале, о жизни и борьбе уральских рабочих в годы индустриализации.

Труднее ответить на вопрос, какой год из этих сорока германских лет, пройденных советским народом под руководством Коммунистической партии, особенно врезался в память. Несколько лет назад я вспомнил на земле между школой, народным домом и крушком ликбезов?

А может быть, двадцать восемь, когда я начала работать в нижне-тагильской газете и передо мной раскрылась незнакомка до этого яркая жизнь заводов и рудников! Но почему не называть тридцать год, озаренный незабываемым днем — днем пуска Уралмаша? А годы Отечественной войны, когда Урал называли кузницей обороны и здравницей, где раненые в боях выздоравливали на цеховом воздухе! А годы электрификации уральских колхозов?

Проживши почти сто лет, разве забудешь нынешний год? Ведь уральцы вложили свою долю в создание спутников Земли, ведь колхозный Урал, поднятый лозунгом догнать Америку, успешно выполняет свои планы, а коллективы промышленности успешно борются за перестройку промышленности. Бурлит творческая энергия, творческая мысль. Решения ХХ съезда Коммунистической партии, выступления Н. С. Хрущева «За тесную связь литературы и искусства с жизнью народа» вдохновили нас, литераторов Урала, как и всех советских людей. Никогда еще не было такой высокой творческой активности, никогда еще не было такого потока рукоукомленных творцов!

Свердловск

В ВЕСЕДЕ С НАШИМ КОРРЕСПОНДЕНТОМ...

Нина ПОПОВА

ЧЕМ я встретила 40-летие Великого Октября! Отвечая на этот вопрос, назову первую книгу трилогии — роман «Звезда на встречу». Говорю о нем не только потому, что он тематически связан с датой, — книга является как бы итогом длительной работы мысли, кипения чувств.

В настоящее время работаю над второй книгой трилогии, озаглавленной «Дело чести». В ней говорится о первых пятилетках на Урале, о жизни и борьбе уральских рабочих в годы индустриализации.

Труднее ответить на вопрос, какой год из этих сорока германских лет, пройденных советским народом под руководством Коммунистической партии, особенно врезался в память. Несколько лет назад я вспомнила на земле между школой, народным домом и крушком ликбезов?

А может быть, двадцать восемь, когда я начала работать в нижне-тагильской газете и передо мной раскрылась незнакомка до этого яркая жизнь заводов и рудников! Но почему не называть тридцать год, озаренный незабываемым днем — днем пуска Уралмаша? А годы Отечественной войны, когда Урал называли кузницей обороны и здравницей, где раненые в боях выздоравливали на цеховом воздухе! А годы электрификации уральских колхозов?

Проживши почти сто лет, разве забудешь нынешний год? Ведь уральцы вложили свою долю в создание спутников Земли, ведь колхозный Урал, поднятый лозунгом догнать Америку, успешно выполняет свои планы, а коллективы промышленности успешно борются за перестройку промышленности. Бурлит творческая энергия, творческая мысль. Решения ХХ съезда Коммунистической партии, выступления Н. С. Хрущева «За тесную связь литературы и искусства с жизнью народа» вдохновили нас, литераторов Урала, как и всех советских людей. Никогда еще не было такой высокой творческой активности, никогда еще не было такого потока рукоукомленных творцов!

Свердловск

ВЕЛИКОЕ СОРОКАЛЕТИЕ

Аскад МУХТАР

В ЭТОМ году я побывала почти во всех областях и районах республики. И, как во всякой поездке, самым интересным для меня были, конечно, встречи с людьми.

Совсем недавно, накануне великого праздника, я еще раз встретилась с моей любимой герой Турхон-я, которая послужила прототипом образа Джумары в моем романе «Сестры». Это женщина большой и чистой души. Белые пряди волос на старте ее, а добрая улыбка невольно вызывает у собеседника смягченное слово «матерь». С этим словом и обращаются к ней люди разных возрастов: «Аля».

Мне казалось, что все черты ее характера, все основные эпизоды ее борьбы за освобождение узбекской женщины, все этапы ее геройской жизни сплелись в романе. Но каждая новая встреча с ней вновь убеждала меня, что Турхон-я — богаче душой, чем моя геройня. А ведь я многое описала, ничего не изменила, почти так, как

О ПАФОСЕ И КРИТИЧЕСКОМ ДУХЕ ЛЕНИНСКОЙ ЭПОХИ

(Окончание. Начало на 1-й стр.)
своем многообразии целого остаются в силе, и именно это делает возможным и нужным, чтобы критика самокритики носила воспитательно-действенный характер.

Мелочная, задористая, эмпирическая, нетворческая критика только внесет расстройство в оркестр. Она может удовольствоваться личными капризами, амбициями или групповыми целями, но утрачивает характер правдивой творческой критики, разрушает коллектив и тащит его назад. Эта критика может быть и «страсной», но ей органически не присущ какой бы то ни было внутренний, эстетический, моральный, идеологический патос. Она не может подчинить критикой.

Само собой разумется, что «симфонический оркестр» и «общество» в строгом, полном смысле этого слова не есть нечто тождественное. Но общество — также же совокупность реальных живых личностей с определенными историческими функциями и целями, оно — коллектив индивидуальностей, в каждой из них должна нести глубоко в себе конкретно-историческую «природу» своего собственного коллегиального целого (народ, нация, класс). Разумеется, в обществе отношения между личностями, качественно и количественно многосложнее, существенное, важнее, но все же сказанное об оркестре, как о коллегиальным целом, сохраняет свое общее значение, когда речь идет и об обществе, как коллективном целом. Только общество исполняет не музыкальную симфонию, а, так сказать, историческую симфонию, у него свои задачи и цели.

Из того, что здесь роль дирижера (руководителя) исполняют социалистическая держава и Коммунистическая партия, нисколько не следует отчужденность или враждебность между руководителями и руководимыми. Человек с социалистическим сознанием, член этого общества, не только признает, но и органически желает и ищет руководства своего собственного государства и своей собственной партии. В той или иной степени он воспринимает указания, распоряжения, а отсюда и критику руководства, как вытекающие из глубокой общественной природы самой личности. А воспринятая именно так критика руководства, или всего коллектива рано или поздно неизбежно принимает форму самокритики. Критика, таким образом, является практическим закономерно перерабатывает в самокритику.

Когда критика и самокритика оказываются принципиальными, созидающими, воспитывающими, творческими, им глубоко присущ внутренний ленинский патос. А «критика» со стороны разных «сверхчеловеков», индивидуалистов, эгоистов, дезорганизаторов, реакционеров бросается в глаза своей антинаучной, антиэстетической и антицарской природой. И только такой «критике» аплодируют враги коммунизма и марксизма-ленинизма. Только она поощряется, расхваливается и преподносится ими как признак «подлинной свободы личности», как «подлинной демократии» и «подлинной гуманизации», причем этих господ не смущает, что подобная «свобода» есть индивидуалистическая распущенность, что подобная «демократия» есть отрицание всякой подлинной демократии, что подобный гуманизм есть, в сущности, человеконенавистничество.

Понятно, почему наши врачи и врачи всего прогрессивного человечества изымают пропаганду подобные лозунги и «теории». Однако не совсем понятно, почему и как некоторые деятели и даже целые группы, которые живут сознанием, что они принадлежат к армии борцов за демократию и коммунизм, подаются на удоцкую вра-

ков и «поднимаются» даже до идей-
ских об «абсолютной свободе» лич-
ности от общества, в котором они и
живут и чьи исторические цели и
борьба они так же должны разде-
лять, как свою собственную цель,
как свою собственную личную
судьбу.

Допущенные в связи с «культом
личности» ошибки и нарушения со-
циалистической законности не яв-
ляются и не могут быть в данном
случае какими бы то ни было аргу-
ментами и оправданием. Хорошо
известно, что сама Коммунистиче-
ская партия и социалистическое го-
сударство, как и весь социалистиче-
ский общественный коллектив, ведут
борьбу за ликвидацию по-
следствий «культы личности». На-
ша борьба против всякого рецидива
и идеологических фокусов не могут
противостоять великой правде ле-
нинского утверждения, что нет «свободы вообще», «демократии вообще», «гуманизма вообще», а
существует конкретно-историче-
ская свобода, демократия социали-
стического гуманизма рабочего
класса, трудающихся масс, на-
родной интеллигенции и всего про-
грессивного человечества.

Это свое классическое утвержде-
ние Ленин неопровергнуло доказал
не только в исторической статье о
партийности литературы, в которой
он не отрицает, а предполагает и требует творческой свободы
для художника. Ленин доказывает
это также и во всех своих
политических трудах и выступле-
ниях против всяческого ревизиони-
зма, оппортунизма, анархизма,
индивидуализма и пр. Наконец, он
доказывает это в своих бессмертных
философских работах, и прежде
всего в «Материализме и эмпи-
риокритицизме» и в «Философских
тетрадях».

Для философских трудов и мно-
гих высказываний Ленина харак-
терна глубоко объективная, скру-
пильная критика всякого
идеализма, субъективизма, релятиви-
зма и мистицизма, так же как и
недостатков (но не материалистиче-
ской сущности!) механистиче-
ского, метафизического и «созер-
цательного» материализма с его
исторической ограниченностью и
отсутствием диалектики в его тео-
рии отражения и познания вооб-
ще. Ленинский этап в развитии
марксизма в эпоху империализма и
пролетарской революции, а затем и
в эпоху социализма был отмечен
также и в развитии самой диалек-
тико-материалистической маркс-
истской философии. Здесь особен-
но важна мысль о партийности фи-
лософии вообще, и тем более пар-
тийности марксистской философии.
Ленин завещал нам всегда сочетать
критический анализ и оценки в
творческом единстве.

Итак, мы снова пришли к мысли, что до тех пор, пока человек не со-
знает свою общественную природу (классовую — в обществе, разделенном на классы), он, в сущности, отрекается от своей собственной человеческой природы, или, выражаясь точнее, не ценит ее по до-
стоинству. Он идет против нее, начиная жить иллюзиями об «аб-
солютной индивидуальной свободе», «абсолютной демократии вообще», «абсолютном гуманизме вообще» и т. п.

Разве дискуссии о социалистиче-
ском реализме не только в странах

народной демократии, но и в СССР
не показали в определенной степе-
ни, что это действительно так? И
так, случайно Первый секретарь ЦК
КПСС тов. Н. С. Хрущев должен был
выступить со своими историче-
скими высказываниями, которые поставили все точки над всеми «и»
и творчески развили основные по-
ложения Ленина о партийности социалистических по содержанию, национальных по форме литература и искусства, об их глубоком социалистическом, партийном, народном
характере. Разве случайны были то, что тов. Н. С. Хрущев должен был особенно обосновать и подчеркнуть полностью творческую свободу, великую общественно-историче-
ский для писателя и художника социалистического реализма, создательный и воспитательно-действенный характер нашей литературной критики и самой литературы и искусства, которые дают нам и должны давать правдивое художественное отражение нашей прекрасной социалистической действительности, нашей революционной победоносной борьбы, творческого духа и нового человека — борца и строителя коммунизма?

Одна из самых замечательных особенностей высказываний тов. Н. С. Хрущева — органическое сочетание научной критики с самым глубоким революционным и творческим пафосом.

Многие работы литературных критиков Советского Союза и стран народной демократии все еще страдают отсутствием этих черт — ленинского пафоса и критического духа. Не кроется ли именно в этом одна из причин той путаницы и вольного или невольного выплачивания дорогої дани революционистским и индивидуалистическим тенденциям, которые можно видеть в высказываниях ряда неплохих писателей, теоретиков и критиков литературы и искусства?

Все это хорошо понимают разные «критики» и ревизионисты — врачи коммунизма и марксистско-ленинской науки, политики, культуры, искусства. Они хорошо знают, что делают, когда направляют ураганный огонь против социалистического критика во главе с СССР, против мирового коммунистического движения и движения за мир, независимость и братское сотрудничество между народами, против марксистско-ленинской философии и эстетики, против социалистической по содержанию, национальной по форме культуры, литературы, искусства. Эти «философы» пришли к «теории» о «национальном коммунизме», который, в сущности,

холизм приводит в конце концов к абсолютному отрыву целого от части, от реальных и конкретных индивидов, входящих в свое общество и целое и обязательно носящих себе его природу. Атомизм, наоборот, ведет в конце концов к превращению реальных личностей

* Холизм — разновидность современного идеалистической философии. (Ред.)

и теплой атмосфере про-
ходили многочисленные встречи писателей с читателями и театральными зрителями.

Задавший вопрос, какую

роль играла польская литература

в социалистическом периоде, Кручковский пишет:

«Следует сказать, что уже в период, предшествующий октябрю (1956 года — Ред.),

активность польских писателей,

выражавшаяся, главным образом,

в публицистике, в публицистически

формулировавшейся поэзии, не раз теряла социалистическую почву под ногами и да-
ла частично обращаться также и настроениям, надеждам и стремле-
ниям ярко и ярко.

Это одно из условий выхода из

тупика, в котором оказались с

известного времени отношения

между политической партией и писа-
телями.

Несколько позже, в 1959 году, вы-
ходит из печати «Союз польских писа-
телей», в котором писатели заявляют:

«Мы не верим в открытие грехов, ему

притягивает самобичевание вчерашних

ревнителей. Ничто не обновляет

коммуниста от ответственно-

сти за совершенные ошибки. Ни-
что не обновляет его от долга

согласия за коммунизм..

То, что мы хотим создавать, и

то, за что мы будем бороться, мы

отдаем на суд народных масс, на

суд тех общественных сил, кото-
рые признали своим дело соци-
ализма и не позволят его подры-
вать».

В первом номере еженедельника

«Трибуна литература»

говорят «мы», имею в виду

тех писателей, которых

всегда считают

чтобы общественной ответ-
ственности искусства...

Говорят «мы», я имею в виду

тех писателей современной Польши,

которых глубокие потрясения

в нашей общественной и личной

жизни, пережитые на протяже-

нии двух последних лет, не

лишили живого чувства нашего

единства с той частью современ-
ного мира, которая как раз

в эти дни праздновала сорокале-

тие со дня своего рождения: с

социалистической частью совре-
менного мира».

Необходимо, замечает далее

Л. Кручковский, попытаться

дать оценку общественной роли

наших писателей за период по-
следних трех лет».

Подчеркнув введение ХХ съезда

КПСС, автор статьи высту-
пает против утверждений о том,

что польские писатели после писа-
тельского съезда в Шецине в

1949 году якобы потеряли свой

«общественный авторитет».

«Вокруг многих произведений того

времени образовывались широкие

группы из подлинно занятыми

литературой писателями, и

однако это не означало, что

они начали все более

явно капитулировать перед вра-
гом, перед обывателем.

Со всей выразительностью и

очевидностью это должно было

проявиться в период после ок-
тября.

Именно после некоторых писателей явно

разошлись с партией. Не в пери-
од «шопок и извращений», а в

период ХХ съезда партии, когда

партия идет по новому пути, когда

стремление к национальной

демократии, к национальной

культуре становится все более

явно капитулировать перед вра-
гом, перед обывателем.

Именно после некоторых писателей явно

разошлись с партией. Не в пери-
од «шопок и извращений», а в

период ХХ съезда партии, когда

партия идет по новому пути, когда

стремление к национальной

демократии, к национальной

культуре становится все более

явно капитулировать перед вра-
гом, перед обывателем.

Именно после некоторых писателей явно

разошлись с партией. Не в пери-
од «шопок и извращений», а в

период ХХ съезда партии, когда

партия идет по новому пути, когда

стремление к национальной

демократии, к национальной

<p